

Однако Жун Цзянь изначально планировал держаться подальше от Мин Е.

После долгих колебаний он всё же решил сначала преодолеть текущие трудности, а обо всём остальном подумать позже.

Изначально Жун Цзянь собирался попросить маленького евнуха передать письмо и вызвать Мин Е, но потом передумал. Раз уж речь идёт о том, чтобы стать учеником, то лучше самому трижды посетить дом будущего учителя, как в старинной притче.

Сы Фу быстро разузнал, где живёт Мин Е.

Жун Цзянь переоделся в простую юбку, накинул плащ и отправился в маленький дворик.

Проведя некоторое время в ожидании снаружи, он так и не дождался Мин Е.

Когда на горизонте появились патрульные, Жун Цзянь в панике толкнул дверь и вошёл внутрь.

Он замер на мгновение.

Это был первый раз, когда Жун Цзянь зашёл в комнату Мин Е. Не то чтобы здесь было совсем уж пусто, но бедность была очевидной.

Комната была тесной и тёмной, внутри стояло лишь несколько потрёпанных предметов мебели. Кровать была меньше его собственной в три раза, а ножки стола шатались.

Жун Цзянь был глубоко поражён бедностью главного героя.

Он подумал, что всё же стоит помочь Мин Е деньгами, иначе жизнь будет слишком тяжёлой.

Затем его мысли понеслись в разных направлениях.

Например, как убедить Мин Е стать его учителем.

От списывания на экзаменах и тщеславия до осознания своих ошибок после услышанных слов мудрецов во время болезни, отказа от обмана и стремления к знаниям ради блага всего мира — всё это казалось довольно цельным путём роста.

Жун Цзянь был доволен своими размышлениями.

Он подождал ещё четверть часа, но Мин Е так и не вернулся.

Может, он всё ещё на службе?

Впрочем, у него было много времени.

Когда Мин Е вернулся, он на мгновение замер у двери.

Кто-то был здесь.

Он толкнул дверь и вошёл. В комнате был гость.

Мин Е опустил взгляд, изучая нежданного посетителя.

Тот спал.

Во сне он был беспокойным, принимал неудобные позы и раздражительно решал всё, что доставляло ему дискомфорт. Золотая шпилька вот-вот упала с его головы, большая часть волос рассыпалась по бокам. Руки лежали на спинке стула, помада оставила след на рукаве, и часть её стёрлась. Подол юбки был в беспорядке, ленты на ногах развязались, носки сползли до лодыжек, обнажая небольшой участок кожи, белой, как нефрит, с красным следом от ленты.

Может уснуть где угодно.

Мин Е подумал об этом спокойно и холодно. Затем протянул руку и коснулся ресниц спящего.

Он не думал об этом слишком много, у него не было причины для такого поступка, это было просто мелкое хулиганство.

Каждый ребёнок когда-то пробовал делать такие вещи, но Мин Е никогда не делал этого, это был первый раз.

Они были мягкими, как чешуйки бабочки.

Но даже самая неосторожная бабочка почувствует приближение хищника, если её крылья потревожить.

Жун Цзянь внезапно проснулся. Он поднял голову, увидел лицо Мин Е и, ещё не полностью очнувшись от сна, с лёгким раздражением сказал:

— Ждал тебя так долго, что задремал, и теперь шея болит.

Жун Цзянь открыл глаза, его ресницы дрогнули, обнажив тёмные зрачки.

Он, вероятно, почувствовал нечёткую тень перед собой, но не понял, что это было, и не придал этому значения.

Мин Е не растерялся, а спокойно опустил руку и тихо спросил:

— Ваше Высочество, хорошо ли вы спали?

Жун Цзянь наклонил голову, с недоумением глядя на Мин Е, а золотая шпилька, едва державшаяся на голове, окончательно упала на пол с лёгким звонком.

— Дин-дан...

Жун Цзянь вздрогнул и наконец полностью проснулся, осознав, что он натворил.

Самовольно вошёл в чужую комнату, заснул во время первого визита, а когда хозяин вернулся, ещё и начал задавать вопросы.

Это было похоже на ситуацию, когда виноватый первым предъявляет претензии, даже если они необоснованны.

Мин Е опустился на одно колено, глядя на Жун Цзяня.

На окне была наклеена тонкая бумага, сквозь которую проникал угасающий свет дня. Жун Цзянь увидел в глазах Мин Е своё отражение.

Он выглядел как только что проснувшийся идиот.

Жун Цзянь слегка занервничал и пробормотал:

— Спал... нормально.

Мин Е, казалось, заметил его смущение, отвернулся и спокойно ждал, оставляя Жун Цзяню немного личного пространства в тесной комнате.

Жун Цзянь быстро привёл себя в порядок. Он хотел схватить волосы, но они оказались слишком длинными и густыми, и одной рукой их не удержать. Пришлось оставить это занятие и заняться более важными делами. Затем он наклонился, поправил подол юбки, спрятал развязанные носки и сделал вид, что ничего не произошло.

Мин Е поднял с пола золотую шпильку и протянул её Жун Цзяню:

— Ваша шпилька.

Жун Цзянь смутился, но старался сохранять спокойствие. Он взял холодную шпильку из рук Мин Е и подумал, что решение одеться сегодня просто было правильным. Иначе, если бы упало больше украшений, собирать их было бы куда сложнее, и это стало бы настоящим зрелищем.

Однако Жун Цзянь переоценил свои способности. Даже с одной шпилькой он не справился.

В таком скромном доме, конечно, не было зеркала, и Жун Цзяню пришлось действовать на ощупь, как слепому.

Он изо всех сил пытался вспомнить, как тётушка Чжоу обычно заплетала ему волосы, но реальность была суровой. Одной рукой он держал длинные волосы, другой — шпильку, и никак не мог собрать их вместе.

Как это сложно! Зачем вообще нужны такие длинные волосы? Лучше бы их все обрезать!

В приступе раздражения Жун Цзянь подумал об ужасной вещи.

Он больше не будет принцессой, а станет монахиней. Никакой учёбы, никаких сватов, мирские заботы больше не будут его касаться.

Пока Жун Цзянь размышлял, стоит ли снять ленту с платья и завязать ею волосы, он услышал вопрос Мин Е:

— Ваше Высочество, позвольте мне помочь вам с волосами?

У Жун Цзяня не было выбора. Он подумал, что, в конце концов, вокруг никого нет, и только он и Мин Е знают об этом. Тогда он сдался и протянул шпильку, прося о помощи.

Мин Е встал и подошёл позади Жун Цзяня.

Те длинные волосы, которые для Жун Цзяня были источником хаоса, в руках Мин Е послушно собирались вместе, не требуя особых усилий.

Его пальцы были холодными, даже холоднее, чем шпилька, и, случайно коснувшись кожи на шее Жун Цзяня, заставили его слегка вздрогнуть.

Шпилька вернулась на место, и в полумраке комнаты она сияла чистым блеском, но казалась

неуместной, странно украшая его волосы.

Жун Цзянь вздохнул с облегчением и сказал:

— Спасибо.

Он сделал паузу и решил сразу перейти к делу:

— Мин Е, я решил перейти в Покои Янфу для учёбы.

Мин Е стоял позади Жун Цзяня, и тот не видел его реакции.

Он продолжил:

— То, что преподают в Покои Янфу, я раньше не изучал...

На самом деле Жун Цзянь всё ещё не привык к обращению «Ваше Высочество», но, говоря с другими, он редко использовал его, и у него было достаточно времени, чтобы подумать. С Мин Е всё было иначе, он иногда забывал об этом.

— Поэтому я хочу попросить тебя научить меня, хорошо?

На мгновение воцарилась тишина, и даже Жун Цзянь затаил дыхание.

Мин Е снова подошёл к Жун Цзяню.

Жун Цзянь сидел на стуле не в самой изящной позе, его рука лежала на спинке, подбородок опирался на неё, и в момент волнения он снова съел немного помады.

Он смотрел свысока на этого странного главного принца с множеством идей.

Мин Е спросил:

— Почему Ваше Высочество хочет перейти в Покои Янфу?

Такая манера обращения была слишком непочтительной для подчинённого по отношению к вышестоящему, даже можно сказать, вызывающей.

Но Жун Цзянь не обращал на это внимания. Его взгляд блуждал, и он хотел придумать оправдание на ходу:

— То, что я изучал в Покои Нинши, не имеет значения, всё это было обманом. Во время болезни я услышал слова мудрецов и понял, что не могу продолжать так жить. Как член императорской семьи, я должен нести ответственность за народ. Поэтому я хочу учиться в Покои Янфу, но... моих знаний недостаточно, поэтому я хочу попросить тебя научить меня.

Это нельзя было назвать полной ложью, большая часть была правдой. Просто уровень Жун Цзяня и его прошлого «я» несравнимы. Он был человеком из современного мира, учившимся шестнадцать лет, но оказавшимся в прошлом, где он был почти неграмотным.

Стемнело, в комнате не зажгли свет, и стало почти ничего не видно, только две тёмные фигуры.

Мин Е спросил:

— Почему нельзя продолжать? Я — Ваш слуга, и моя обязанность — служить Вам. Даже мудрецы проповедуют добродетель, преданность и сыновнюю почтительность, отдавая всё своему господину.

Жун Цзянь задумался. Он подумал немного и всё же сказал:

— Мне кажется, это неправильно.

— Почему неправильно?

Другие, становясь учениками, — сквозь ветер и снег трижды посещают учителя.

Жун Цзянь, становясь учеником, — засыпает.

А потом его дразнят.

<http://bllate.org/book/16310/1471424>